ШАТКАЯ ПОЗИЦИЯ

ЧЕЛОВЕК В КОЛЛЕКТИВЕ

Началось все, по мнению окружающих, с лета 1971 года. Владимир окончил без отрыва от производства одиннадцатый класс, приказом директора комбината (по ходатайству администрации цеха) ему был присвоен высокий разряд. Это немалое достижение, ведь и сегодня в цехе механизации управления главного механика, где работает Владимир, специалистов такой квалификации можно пересчитать буквально по пальцам. К его словам уважительно прислушивались...

Недавно в редакцию пришло письмо. «...Он стал о себе высокого мнения, на замечания механика не реагирует, ругается нецензурными словами...». Это выдержка из заявления членов бригады, в которой работает Владимир. В особой папке, что хранится у председателя товарищеского суда, помимо этого документа пачка других. Докладные начальнику цеха от бывшего механика, докладные от нынешнего, заявления от товарищей по бригаде. Цитировать их нет смысла, суть одна — жалобы на грубость, на полнейшее неуважение к товарищам по работе. Венцом этого дела были непосредственное обращение некоторых членов бригады в профком с просьбой убрать Владимира из бригады, заседание товарищеского суда, объявившего ему общественный выговор, заседание цехового комитета, объявившего выговор по профсоюзной линии.

Такое положение, когда почти вся бригада не приемлет одного человека, не какого-нибудь там лодыря и пропойцу, а хорошего специалиста, бывает нечасто. В истоках и сути затянувшегося конфликта разбирались общественные организации цеха, юристы и представители профкома. Неприятная эта история издергала нервы многим людям, в том числе и главному герою.

Попытаемся же и мы разобраться, как все началось. Неужели только получением аттестата о среднем образовании и высокого разряда можно, как это ни парадоксально, объяснить резкое превращение в общем-то уравновешенного человека в скандалиста и грубияна?

Сначала были неполадки с механиком. Владимиру показалось, что в рабочее время тот изготовляет детали для личной автомашины. Надо полагать, что думал так не он один. Но если другие помалкивали, то Владимир выступил против. Мотивы своего поведения он объясняет так: «Мне нужны детали для ремонта станка, а их нет, механик вместо обеспечения занят своей машиной». Позиция правильная. Но твердо уверенный в своей правоте, неприязнь к механику — а она к тому времени достигла размеров ежедневных скандалов и взаимного подсиживания — он, к сожалению, перенес и на всех рабочих бригады, которые вряд ли одобряли действия своего начальника, но которым не хватало смелости выступить против. Впрочем, и наш герой до получения высокого разряда не очень решался на прямые действия. И лишь, видимо, почувствовав себя на голову выше других, приступил к обличению. Причем, к обличению всех и вся. Благодаря своему опыту и знаниям он легко мог заметить промашку работающего рядом слесаря более низкой квалификации и во всеуслышание, не стесняясь в подборе слов и выражений, указать ему на это. И так как подобная картина повторялась не один раз на день, легко понять, что благодарных чувств к нему за такую «подсказку» никто не испытывал.

Тот механик, из-за которого разгорелся весь сыр-бор, в системе комбината уже не работает. Многие из сгоряча обиженных Владимиром до сих пор уверены, что Владимир «выжил» его. Не получая опровержения такому мнению, а сделать это могла только администрация цеха, они теперь и любое справедливое замечание Владимира встречают в штыки. Сам Владимир тоже не склонен терпеливо выслушивать мнение других. Прежде чем требовать с других, потребуй с себя — этот принцип окончательно забыт обеими сторонами.

Один из тщательно фиксирующих каждую грубость Владимира предпочитает не вспоминать, что у него самого трения с неуживчивым ремонтником начались после замечания последнего, что на обеденный перерыв надо уходить вовремя, а не на десять минут раньше. Другой, понимая рассудком правоту требований Владимира, все же считает, что «нечего ему в каждую щель соваться». Третий предпочитает отмалчиваться в надежде, что его не заденут. Сам же Владимир упорно не хочет понять, что любое, даже самое правильное требование, выраженное в оскорбительной для другого человека форме, вызывает ответное желание отплатить той же монетой. Но никому из членов бригады, видимо, не приходит в голову, что в атмосфере всеобщей подозрительности вольготно может чувствовать себя только тот, кому, мягко говоря, безразличны интересы общего дела, кто нездоровой обстановкой склонен прикрыть свою нерадивость. И, конечно, это не устроит никого из членов бригады, добросовестных людей. Им хочется на производстве чувствовать себя уверенно и спокойно. Но пока отношения между ними не изменятся, удовлетворения от работы в такой обстановке не получит никто. Ни Владимир, ни его товарищи по бригаде. И помочь в этой ситуации могут только они сами, пересмотрев свои позиции.

Т. МИХАЙЛОВ.

Глеб МУКМИНОВ

МЫШЦЫ РОССИИ

Мы — металлурги!
И это — здорово,
что крепкие руки
ценнее, чем золото....
Задута в тридцатых
первая домна —
на руки взята
первая тонна.
Была она, верно,
соленой, тяжелой...
Трудно быть первой,
тем более школой.
Я вижу: горит,
как сердце у времени,
стальная Магнитка —
уже академия!
Не будут забыты
те годы босые...
Мы — сила Магнитки!
Мы — мышцы России!

Иду по городу

Зима заметно подобрела,
мороз щеки уже не жжет.
А воздух....
Воздух, как в апреле,
теплом и влагой отдает.
Иду по городу.
Впервые
бродил я здесь лет пять
назад,
здесь повстречались
дорогие,
те, безответные глаза.
Тех дней диковинная
прелесть,
над городом полночный
жар...
Снежинки у подъездов
грелись,
но их никто не провожал.

Если вы пишете стихи или сочиняете рассказы, если вы любите литературу — приходите в литобъединение «Магнит».

Анна ДОЛГИХ

ПРОЩАЙ, ЗИМА

Прощай, зима, прощай, седая,
последний час хозяйка ты...
Весна проснется молодая,
что разобьет твои мосты
на реках заспанных,
а вскоре
твои вчерашние ковры
вдруг разольются,
словно море,
для бесшабашной детворы.
И расцветут в улыбках лица...
Ни у кого не встретишь грусть
Не надо, старая, сердиться,
пускай смеются люди, пусть!

Светлана СЕРЕБРЯКОВА

Лужи

Девочка бедовая,
птичка-невеличка,
шапочка пуховая,
хвостики-косички.
Взрослой и серьезной
хочет быть Маринка,
хмурит брови грозно,
глазки — словно льдинки.
И скрипят ботинки
важно у Маринки...
Глазки прячут чертиков,
и во рту — смешинки.
Осторожно лужу
обошла Маринка —
вырвались наружу
чертики-смешинки.
Вид испорчен нужный!
Заливаясь звонко,
бегает по лужам
с хохотом девчонка.

Александр ПАВЛОВ

Сундучок

В нем было все необычайно:
сухие рыбы и шмели,
в наклейках плиточного чая
долины Грузии цвели.

И тайны жили неустанно...
Откинешь крышку — а внутри
живые краски Левитана
сияют сполохом зари.

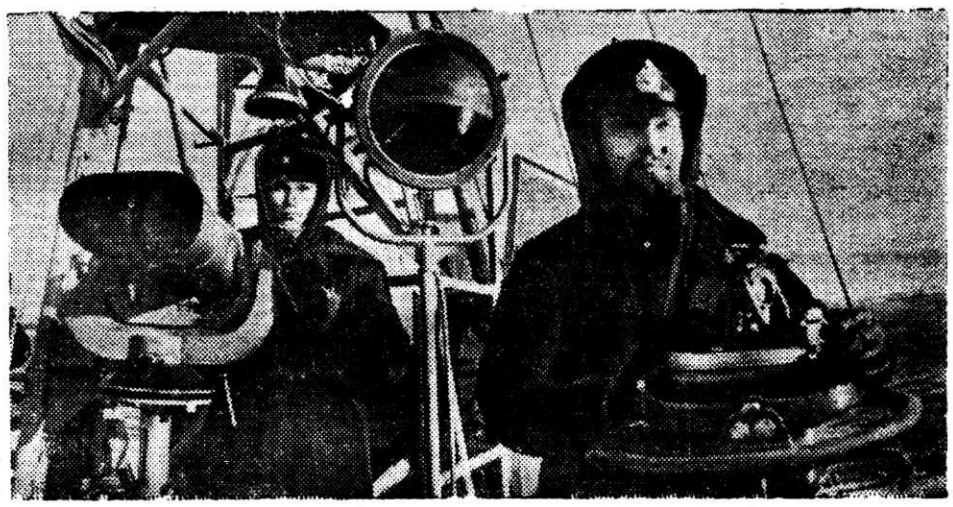
Среди зеркал калейдоскопа
с неповторимой новизной
слагались радужно осколки
и пыльный лучик навесной.

Я помышлял себя богатым,
важнее всех, сильнее всех...
Но так в окно смотрел к ребятам —
от напряженья таял снег!

А двор шумел, весной пригретый,
там братство, нищее на вид,
орало с кучи самоцветов,
бросая к солнцу антрацит.

Оно готовило набеги,
плотины строило и флот,
с дедком лихачило в телеге,
обочин взламывая лед.

И я распахивал оконце,
и сквозь потоки синевы,
раскинув руки, прыгал к солнцу,
под вопли радостной братвы.



На тысячи километров протянулись морские рубежи нашей Родины. В любую погоду выходят на охрану морских границ пограничники-тихоокеанцы.

Тревога! И уже в следующее мгновение пограничный корабль приведен в полную боевую готовность. С огромной скоростью мчит он на перехват цели.

НА СНИМКЕ: штурман лейтенант П. МИГАЧЕВ уточняет координаты нарушителя.

Фото О. Галушко, ТАСС.

Михаил МИХЛИН

Вот тогда поплачете

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

У вас болят зубы? Как, тоже болят? Из оставшихся двадцати пяти у меня болят семь. А уши у вас болят? Не болят? А у меня два дня ежемесячно такая канонада стоит в ушах, что, как говорится, хоть уши затыкай. Хи-хи, да... А в животе у вас не крутит? Вот знаете, так бывает завернет, что ты весь вывернешься, а потом отпустит, и ты весь вытянешься, и лежишь, и ждешь, знаешь, что еще не все и вот оно опять пришло, покатилось на тебя — только бы пережить. И пережил! На лбу холодный пот, руки трясутся, в горло ничего не лезет, а в животе что-то еще покалывает, побулькивает — приятно.

Вчера, честно говоря, испугался. Просыпаюсь и, как всегда перед работой, начинаю в себя вслушиваться. Прошелся от головы до ног и похолодел. Вы представляете — ничего не болит! Я во второй раз — от ног до головы, и опять ничего. Нет, думаю, тут что-то не так, и градусник под мышку. Через десять минут смотрю: тридцать шесть и шесть. Тогда я градусник в рот переставил, и опять нормальная, я еще... В общем, везде нормальная. Разнервничался, на работу опоздал. Да и потом целый день не мог сосредоточиться, ходил как вареный. Никогда со мной раньше такого не было.

Вот сегодня — другое дело, просыпаюсь, и сразу чувствую: болит левая коленка. Болит и мелко подрагивает. Беру я энциклопедию (у меня Малая Советская) и смотрю на букву «Д» — дрожь в коленках. Нету! Смотрю на букву «К» — коленная дрожь. Опять нет! Коленный сустав есть, про коленчатый вал пол-листа отгрохали, а про мою коленную дрожь — ни слова!

Я на работе всех наших сотрудников про коленные болезни спрашивал. А люди у нас в отделе, между прочим, нечуткие. Больной человек к ним за советом, а они говорят: «К врачу идите» и неуместно мне в лицо улыбаются. Что бы им стоило мазь какую для втирания посоветовать, или еще что, так нет, к врачу посылают. На что он мне, врач-то? Что он мне сказать может? Он же не разберется, он же кардиаграмму снимать начнет. А то еще пошлет дальше к невропатологу, а тут уж...

Нет, это не для меня. Надо бы, думаю, еще у нашего начальника отдела спросить, может, он что подскажет. Только я себе представил мысленно, что подхожу к нему, как болезнь моя стала разрастаться. Обе мои коленки задрожали, стоять мне трудно стало, сел я и коленки-то руками придерживаю. Слышу сзади противный такой голос:

— Что, Павел Иванович? — (Павел Иванович — это я, а голос такой только у нашего начальника отдела), — опять живот скрутило? Я вам средство очень хорошее на прошлой неделе посоветовал. Не пробовали?

Тоже мне, думаю, знаток желудочных заболеваний. Может, у меня на прошлой неделе аппендицит был, а ты мне клизму присоветовал. А вслух говорю:

— Нет, Семен Семеныч, с животом у меня все наладилось, а вот с ногами худо стало, совсем от рук отбились. И в коленках дрожи появились...

А он захохотал:

— Дрожжи, товарищ Занозин, большая редкость, дефицитный товар! Где вы их купить ухитрились?

— Такие вещи, товарищ начальник, не покупаются, они долгим ненормированным трудом, под вашим руководством, зарабатываются! — отрезал я.

Обиделся на него, так обиделся, что пошел работать. Ничего, думаю! До конца рабочего дня час остался, я его и на дрожащих ногах доработаю. А вот завтра как заболею, как заболею... Вот тогда поплачете! Придется вам, товарищ начальник, мне в больницу передачи носить. А не принесете, я на вас письмо, а лучше два — в разные инстанции.